

«предшественницу», и при всем жанровом разнообразии каждой по-своему цельна, несет в себе присущий только этому автору тембр его писательского голоса, и каждая содержит в себе свой мир мыслей и чувств, свой круг интересов.

Очень разные сборники одной серии — это ли не достижение само по себе?

И как бы между прочим (не знаю, входило ли это в намерение составителя, намерением авторов наверняка не было) из сборников перед нами встают образы самих писателей, разворачивается их жизненный путь.

Георгий Марков. Автор мно-

ровно на почту. И заметка эта в ней же. Сборник густо населен людьми, в большинстве своем превосходными. Вроде бы немного рассказано о комсомольце 30-х годов корреспонденте Виталии Трофимове, но какой жалостью обжигает тебя, когда узнаешь, как он погиб, стремясь во что бы то ни стало доставить в газету срочный материал (советую непременно прочесть об этом в статье «В поисках поэзии и правды»). И рядом: большой очерк о Константине Федине, написанный с огромной любовью и уважением к писателю. И, конечно, почти всюду на первом плане дорогая сердцу Сибирь с ее просто-

литературе и об учениках в ней же. Сборник густо населен людьми, в большинстве своем превосходными. Вроде бы немного рассказано о комсомольце 30-х годов корреспонденте Виталии Трофимове, но какой жалостью обжигает тебя, когда узнаешь, как он погиб, стремясь во что бы то ни стало доставить в газету срочный материал (советую непременно прочесть об этом в статье «В поисках поэзии и правды»). И рядом: большой очерк о Константине Федине, написанный с огромной любовью и уважением к писателю. И, конечно, почти всюду на первом плане дорогая сердцу Сибирь с ее просто-

«К юности» много внимания отдано писательской смене, молодым: именно за ними тоже будущее — уже нашей литературы. Автор убежден: «...наша страна молодеет... Не в том смысле, что старых людей становится меньше, а в том, что участие молодых в делах страны все увеличивается, в этом как раз и есть самый главный нерв внимания общества к молодым писателям». И литературная публицистика первого секретаря правления нашего писательского творческого союза направлена на то, чтобы дельными советами помочь этой смене быстрее обрести свою самостоятельность, свое лицо.

в этих заметках столько мягкой, но довольно точной, усмешливой самиронии, которая только укрепляет доверие к авторским, иногда и беспощадным к себе, признаниям: а в них тоже серьезный урок и пища для размышления юному — да и не только, повторяю, юному — уму.

Вполне понятной особенностью всех сборников является то, что одним из неперенных и существенных разделов каждого из них стал автобиографический, падающий как раз на начало творческой жизни. Конечно, у каждого это было по-своему, и в ряде случаев биографическая нить продолжает тянуться и дальше. На редкость интересно рассказывает Мария Прилежаева, с каким страхом и трепетом приступала она когда-то к ленинской теме и как эта тема стала как бы ее пожизненной судьбой («Исходила пешком все дороги в Советском Союзе, какими хаживал Ленин», «Мне кажется, я его знала лично, была рядом с ним, делила его мечты, планы, творчество, делила как самый-самый малый подмастерье, всегда готовая по первому зову и без зова бежать на подмогу...»). Не случайно и ее пристальное вглядывание в то, что делают другие, тоже причастные к этой великой теме, — к Михаилу Шатрову с его «синими конями», или к богатейшей, насчитывающей полторы тысячи рисунков Лениниане Николая Жукова, или к менее обширной, но тоже своеобразной, выразительной, вполне своей Лениниане Ореста Верейского, или к документальным фильмам о вожде партии и революции. Писательнице еще удалось застать в живых некоторых сподвижников Владимира Ильича — Г. М. Крижановского, Л. А. Фотиеву, Е. Д. Стасову, и она с волнением набрасывает штрихи к их портретам. Они кратки, но впечатляющие. Чего стоит такой эпизод: «Возвращаясь из одной сибирской поездки, это было весной, я собрала букет луговых цветов сразу за околией села — царственно пышных сибирских цветов — и привезла Глебу Максимилиановичу.

Каждый свидетельствует издательские планы, на очереди книги этой же серии — Алексея Толстого, Василия Шукшина, Максима Рыльского, Михаила Алексеева, Сергея Залыгина, Евгения Евтушенко и других. Что ж, интересно. Будем ждать.

му военному поколению — Василия Быкова, Владимира Богомолова, Константина Воробьева, и эти размышления — тоже свое, свежее слово о писателях.

Каждый свидетельствует издательские планы, на очереди книги этой же серии — Алексея Толстого, Василия Шукшина, Максима Рыльского, Михаила Алексеева, Сергея Залыгина, Евгения Евтушенко и других. Что ж, интересно. Будем ждать.

Каждый свидетельствует издательские планы, на очереди книги этой же серии — Алексея Толстого, Василия Шукшина, Максима Рыльского, Михаила Алексеева, Сергея Залыгина, Евгения Евтушенко и других. Что ж, интересно. Будем ждать.

Во всех книгах есть обширные вклейки со многими фотографиями. Но почему они отсутствуют у Марии Прилежаевой? Наверно, есть возможности совершенствоваться и в отборе материалов. Суховат получился Николай Тихонов. Почему в его книгу не вошли такие блестящие, человечески привлекательные главы из «Устной Книги», читавшиеся им по радио и не так давно напечатанные в «Вопросах литературы»? Не успели заметить? Но при составлении книги они уже существовали. Не говоря о ряде других работ Тихонова, носящих не только программный характер, в том числе и блок-кадных.

Впрочем, это частности, заслуживающие, освободиться от них в будущем не составит особого труда.

Главное делается. Умно, хорошо, полезно. Подарок издательства предстоящему съезду партии. В том смысле, что книги обращены к множеству читателей, воспитывают в них добрые патриотические чувства, уважение к нашей отечественной литературе — свершившейся и свершаемой. К юности обращены эти книги — и не только к ней.

А. КОНДРАТОВИЧ

ПУТЕВКА В ЖИЗНЬ

Мая газ, 1981, 11 февр.

К юным, и не только к ним, обращаются признанные мастера слова, чтобы поделиться своими мыслями о жизни и творчестве

го раз изданных в нашей стране и переведенных в других странах романов, повестей, рассказов, неоднократно экранизированных и тем получивших как бы дополнительную скорость распространения и популярности. Все это мы хорошо знаем. Но многие ли знают, как начинал Марков, с чего начинал? «Я считаю, что мне в жизни очень повезло, — пишет он. — Среда, возраставшая меня, была необычайно животворной с точки зрения моей будущей писательской работы. Однако недостаточно лишь наблюдать жизнь, вдыхать ее запахи, любоваться ее колоритом и таким образом духовно обогащаться. Непременно должен наступить час, когда ты обязан вмешаться в жизнь своей среды, начать действовать, бороться. Только в этом случае в наше время ты станешь художником. Для меня такой час пробил в 1924 году, когда я был подпаском и ни о каком писательстве, конечно, не думал». И дальше Георгий Марков рассказывает, как однажды волки растерзали четырех овец из их стада, за что хозяева, здоровенные мужики, зверски избili пастуха из прибалтийских беженцев империалистической войны. Влетело и подпаску. С чувством гнева, обиды целую неделю жил подпасок, состоявший в комсомольской ячейке всего из трех членов. Как и чем ответить хозяевам-кулакам? И сознание подсказало единственно верный путь — написать обо всем происшедшем заметку в газету. Он ее и написал, и отнес за двенадцать километров в другую де-

минуя какие-либо литературные средостения. Такого рода «лиризм эпохи», лиризм, я бы сказал, лично-общественным, не замкнутым только в самом себе, а широко открытым свежим ветрам современности словно дышат многие страницы публицистики Маркова. «...вероятно, каждый со мной согласится, что нет более волнующего путешествия, чем путешествие в свое собственное прошлое», — говорит он. И в статьях, интервью, беседах то и дело предпринимает такое путешествие. Но, с удовольствием рассказывая о своей работе уполномоченным комсомола по водному транспорту, проплававшим по многим большим и малым рекам Западной Сибири, или о том, как в двадцать лет по настоянию Р. И. Эйхе («Иди и не бойся») он стал редактировать молодежную краевую газету, или о работе над первым романом «Строговцы», неожиданно для автора поддержанно такими мастерами, как Павленко, Бабель, Макаренко, сам Марков, пожалуй, уже с наслаждением, а не просто с удовольствием вспоминает о сотоварищах по юности, о друзьях, учителях в

рами и переменами, свершениями и проблемами. Да, и проблемы есть, и достаточно острые, и автор пишет о них страстно, глубоко убежденный в том, что там, где надо дело поправить, его непременно надо поправить. На одном восхищении и энтузиазме не проживешь. Нужен еще и реалистичный, дельный взгляд на вещи. И, например, в такой статье, как «На Средней Оби», поставлены проблемы поистине государственного значения, думается, имеющие отношение не только к одному этому краю, — и о неразумной рубке леса; и о сохранении лугов, и об умелом использовании почвы. И как вывод: «Средняя Обь — край будущего, но будущее всегда вырастает из настоящего, из человеческого труда сегодня».

«Труд сегодня» — слова, характерные для всего, о чем высказывается Георгий Марков. Потому и литературный процесс для него не что-то умозрительное, не словесное теоретизирование, а живая, сегодняшняя, повседневная практика, требующая реальных предложений и соображений. Понятно, что в книге

«Стихия народной речи — образной, простой — меня всегда поражает своей красотой и выразительностью. Хотя должен сказать, что считаю ошибкой, когда писатели полностью поддаются ей. Литературный язык имеет свои законы. Чувство меры, строгий отбор, вкус — это основа основ», «Я просто затрудняюсь говорить о каком-то чистом вымысле, за которым не стояло бы жизненных фактов», «Еще не стало всеобщим ощущение дискуссионности как нормы» (только ли молодым «спорщикам» полезен этот совет?) и т. п.

Полагаю, что книга Георгия Маркова обращена не к одной молодежи. Впрочем, как все остальные, без исключения, сборники из этой молодежной серии. Как хороши, скажем, для читателей любого возраста превосходные литературные портреты Матэ Залки, Константина Паустовского, Александра Довженко, Остапа Вишни, Юрия Яновского, Максима Рыльского, Ванды Васильевской, с завидной памятью и стилистическим изяществом выполненные Юрием Смоличем. А возле них и доныне несколько торжественные, почтительно-сыновие, но сохранившие сердечное тепло любви и уважения речи и статьи о великих предшественниках — Тарасе Шевченко, Лесе Украинке, Иване Франко. И как уместны и, я бы отметил, скромны на таком значительном фоне личные автобиографические записи о своей молодости, о своей поре вхождения в большую литературу:

— Привет вам из Шушенского.

Он заплакал».

Понятно также, что Прилежаева, как и остальные авторы, не одной историей жива. И уже Юрий Бондарев в беседе со студентами или с критиком Иваном Козловым ведет речь о своих последних, недавних романах «Горячий снег», «Родственники» и даже успевает кое-что сказать о замысле романа, который он тогда писал, — о «Выборе». А в других статьях он размышляет о работе своих сверстников по одно-

У ЭТОЙ серии публицистических книг для юношества «Писатель — молодежь — жизнь», издаваемой, как это само собой и разумеется, «Молодой гвардией», был явно затянущийся старт. Еще в 1964 году появилась, скорее всего без всякой мысли о серии, книга публицистики Леонида Леонова «Литература и время». Лишь через шесть лет — в 1970 году — вышел сборник статей и выступлений Михаила Шолохова «Повелению души». Потом с семьдесят второго года эта долгая «разминка» постепенно перешла в бег, хоть и неторопливый, «трусцой», но все же... Вышли книги Сергеева-Ценского, Вилиса Лациса, Бориса Горбатова, Петруся Бровки. Приблизительно одна в год-полтора, но уже с четко обозначенным серийным грифом.

И вдруг как своего рода взрыв: только в прошлом году были напечатаны сразу четыре книги — Георгия Маркова «К юности», Юрия Смолича «Знать прошлое, видеть будущее», Юрия Бондарева «Человек несет в себе мир», Марии Прилежаевой «Дороги, дороги...». Да еще примыкающая к ним, по времени и, кстати, пришедшая к читателю все в том же, только что минувшем восьмидесятом, книга Николая Тихонова «С марсианской жаждою творить».

Целых пять довольно больших книг за один год. Что это — просто издательская воля? Чье-то решение? Да нет, конечно. Прежде всего читательский спрос: в большинстве магазинов упомянутые книги и дня не лежали на прилавках. И раскупали их, понятно, не только молодые люди. Хотя и много молодежи.

Между прочим, давно бы стоило уяснить не одним издателям, что, пожалуй, самый серьезный, взыскательный и взыскующий истины читатель — это как раз читатель молодой.

Вот почему так уместна и ценна долго топтавшаяся на месте, но зато взявшая теперь хороший темп, разгон «молодогвардейская» серия «Писатель — молодежь — жизнь». Я условно назвал ее публицистической, потому что не могу подыскать — да и вряд ли оно найдется — одно слово, опре-

деляющее характер этой серии. Слово «публицистика» тут просто больше подходит: в каждой книге, в самом деле, немало того, что мы понимаем под ним, — прямого обращения к читателю на гражданские темы, размышлений о разных сторонах нашей действительности. «Приметы нашего времени» — это название первого раздела книги Георгия Маркова, «Твое богатство» — с этого раздела начинается разговор Николая Тихонова с читателем, «Листая книгу социалистического бытия» — один из центральных разделов сборника Юрия Смолича, так же как раздел «Я иду по земле» из книги Марии Прилежаевой уже в названии своем предполагает очеркистичку: так оно и есть. Все это, как говорится, чистая публицистика. Но есть в сборниках и интересные автобиографические заметки, воспоминания, особенно относящиеся к юности самих авторов и реально, живо показывающие читателю, как сами писатели в свое время начинали свою сознательную жизнь (одно это не поучительно ли?). Есть немало статей литературно-критического свойства, размышления о литературе, искусстве и шире — о природе творчества (особенно много их в сборнике Юрия Бондарева). Есть заметки о том, как авторы работали над своими произведениями, и эссе, о товарищах по перу.

И в жанровом отношении сборники весьма разнообразны — статьи, мемуары, речи, интервью, беседы, одно перемежается другим и присутствует почти в каждой книге. Чувствуется, что составитель такой разнообразие самого материала, содержания и форм подачи его очень заботился. И вовсе не ради вящего интереса, чтобы, упаси господь, читатель не заскучал на одних статьях — все ведь зависит от статей, и на одной можно заявнуть. Нет, цель здесь просматривается другая и более важная — полнее показать самих авторов, представить их со всем богатством размышлений о жизни и литературе.

Это цель достойная. Оттого каждая книга серии меньше всего серийная, каждая наособицу — и построена по-своему, без какой-либо оглядки на